

**В СЕРИИ
«МИРЫ ЛЮДМИЛЫ АСТАХОВОЙ»
ВЫШЛИ:**

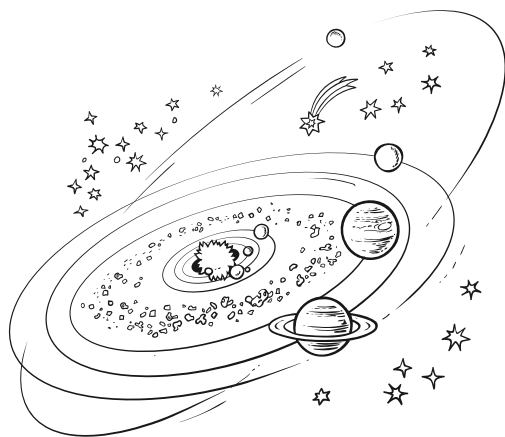
«НЧЧК»:
ДЕЛО РЫЖИХ
КОМАНДИРОВКА
ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА

«ЭЛЬЛОРСКАЯ ИМПЕРИЯ»:
ЧЕСТЬ ВЗАЙМЫ
НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО

ВНЕ ЦИКЛА:
ЗЛОЕ СЧАСТЬЕ

«АКВИЛА»
ЗВЁЗДНАЯ БИРЕМА «АКВИЛА». МЯТЕЖ
ЗВЁЗДНАЯ БИРЕМА «АКВИЛА». РУБЕЖ

*Людмила Астахова
Яна Горшкова*

**ЗВЁЗДНАЯ БИРЕМА
«АКВИЛА»**

Мятёж

T8 RUGRAM
Москва
2020

УДК 821.161.1
ББК 82.3 (2Рос-Рус)6
А91

Астахова, Л., Горшкова Я.

А91 Звёздная бирема «Аквила». Мятёж / Л. Астахова, Я. Горшкова. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 462 с. — (Миры Людмилы Астаховой).

ISBN 978-5-521-90041-1

В Звездной Республике — сотни обитаемых миров, миллиарды граждан, грозные легионы и доблестный флот. Аристократы-патриции наслаждаются властью, репликаторные плебеи работают и сражаются.

Но однажды корабельная нейросеть связала четверых — осужденную плебейку и опального патриция, хладнокровную пилотессу и командира звездной пехоты.

Судьбы столь разных людей сошлись на борту «Аквилы» — лучшей звездной биремы пограничного сектора...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90041-1

© Людмила Астахова, текст, 2019
© Яна Горшкова, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

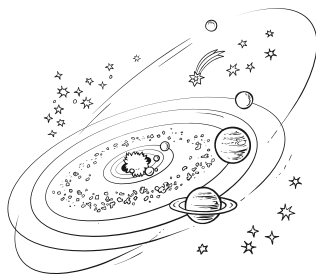
Часть I

AB EQUIS AD ASINOS

ИЗ КОНЕЙ В ОСЛЫ

Глава 1

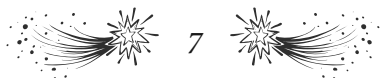
реторианцы¹ явились перед рассветом. Ничего удивительного. Это ведь в русле традиций – заставить опального гражданина промучиться всю ночь в ожидании топота тяжелых калиг² под окном и грохота, от которого едва не вылетает дверь, несмотря на все силовые поля. С другой стороны, отсрочка дается преступнику как акт некого милосердия. Хочешь – завещание составляй, хочешь – молись, а если желаешь, то предавайся последним радостям обжорства и разврата. Потом ведь станет не до гетер и амикусов³.

Гай Ацилий предпочел последнее. Завещать ему, отпрыску уничтоженной фамилии, было нечего и некому. Молиться опозоренным предкам тоже смысла, в общем-то, не имело, равно как и приносить жертвы Республике, в предательстве которой его обвинили. До гетер дело так и не дошло, впрочем. Молодой патриций провел последнюю ночь в атрии своего опустевшего древнего гнезда наедине с тишиной, книгой – тоже архаичной, бумажной, и кувшином фалернского, которое он синтезировал специального для такого торжественного момента. Не каждый день из списков аристократов и из жизни вымарывается целая фамилия –

¹ Преторианцы – здесь – политическая полиция Республики.

² Калиги – армейская обувь.

³ Амикусы – гетеры мужского пола.

сотни поколений предков, десятки ныне живущих и тысячи потомков, которые никогда не будут рождены.

Фалернское, воспетое древними поэтами, оказалось сущей кислятиной. Да и сами поэты, вернее, их чеканные ямбы, не сказать, чтоб утешали. Убивали время, разве что.

– Именем Сената и Народа велю тебе открыть! – громынуло снаружи.

Преторианцы, несмотря на грозные возгласы, изрядно робели. Одно дело – усмирять варваров в какой-нибудь захудалой Колонии Лютум, а совсем другое – вязать вчерашнего сенатора, патриция и *живорожденного*. Бедолаги.

Ацилий встал, почти без сожаления отложил книгу и тщательно проверил складки тоги. Они лежали идеально. Как всегда.

– Входи и будь здоров, – приветствовал он центуриона.

Тот остановился, едва переступив порог, и, развернув свиток, откашлялся. Его подчиненные организованно топтались снаружи.

– Гай из рода Ацилиев, фамилии Курионов.

– Это я.

– Ты признан виновным в государственной измене. Войди в курию и выслушай приговор сенаторов.

– Ecastor!¹ – устало выругался Гай. – Центурион, позволь мне взять твой «гладий»² и дай минуту, чтобы уладить дело. Право, всем будет проще. Твоим людям останется только выволочь тело. Все равно я пойду на удобрение для клубники.

– Прости, господин, но для этого у тебя была целая ночь, – покачал головой преторианец. – Не вынуждай меня применять силу.

Ацилий пожал плечами и покорно прижал ко лбу между бровями тонкую серебристую таблетку транслятора. Закрыв глаза, пережил то секундное головокружение, что всегда сопровождает погружение в искусственное многомерное пространство, каким-то древним умником прозванное виртуальным. Он терпеть этого не мог, изыскивая любую возможность

¹ Ecastor – грубое латинское ругательство.

² – здесь – вид личного стрелкового оружия.

увильнуть от необходимости выходить за пределы реальности, терять ощущение своего живого, теплого и дышащего тела, проваливаться в никуда, падающим листом скользить в стремнине безвременья.... Чтобы открыть глаза и обнаружить себя стоящим в столбе света посреди курии, под взглядами трехсот сенаторов. О, маленькая поправка! Под прицепами глаз 290 членов Сената.

Скамья Курионов – все десять мест – сиротливо пустела. Немудрено, коли все представители фамилии уже распылены на удобрения, а последний ее отпрыск ожидает решения своей участи в роли подсудимого.

Гай Ацилий представил на миг, какая грызня сейчас началась за эту пустую скамью среди тех, кто жаждет посадить на эти места своих сторонников, и едва удержался от вульгарного присвиста. Борьбу за власть ведь никто не отменял, и он тому пока еще живое подтверждение.

Появление опального Куриона встретило легкое гудение, скорее растерянное, чем угрожающее. Разве что Корнелии, весь их выводок, зашушукались и зашуршали, но такова уж их порода. Какую ветвь ни возьми, а все одинаковы, что Цинны, что Арвины – сволочь на сволочи. А! И Клавдии, еще более плодовитые и ветвистые, тоже загомонили. И даже честолобивый красавчик Клодий, их побочный отпрыск, развалился на скамье народных трибунов в позе весьма распушенной и с выражением на смазливой физиономии препюхатым.

Принцепс¹, устав пережидать шуршание тог и шарканье сенаторских сандалий, стукнул посохом и прошамкал суровое: – Тишина!

Увы, могучему старцу, умудрившемуся разменять третью сотню лет, внял лишь сам подсудимый, который и без окриков не слишком шуршал. Остальных пришлось усмирять ликторам.

– Слово имеет Луций Геганий Мацелин.

Названный подскочил, оправляя складки тоги с той сутливостью, которая свойственна всем хомо новус, новым

¹ Принцепс – старейший сенатор, председатель собрания.

людям. Неудивительно, впрочем. Всего лишь три поколения отделяли Луция Гегания от его репликаторных предков. Не притерлись еще Мацелины, не пообтесались. Ежели твой прапрадед еще бурил... э-э... землю... или что они там бурят на этой Колонии Купрум? Короче, не добавлял шахтерский прадедушка нынешнему оратору лоска, отсутствие коего он, впрочем, успешно компенсировал шустростью и хваткой. Той самой, ради которой живорожденные патриции Гегании некогда и приняли в свой род репликаторную ветвь захудалых Мацелинов.

Мацелин подскочил и как принялся чеканить свою инвективу, будто не от шахтеров происходил, а от литейщиков. Гай Ацилий даже заслушался, одобрительно выгибая бровь в особенно едких местах. Право, все-таки в этих новых людях что-то такое есть. Нечто первобытное, хотя, казалось бы... А впрочем, кто поручится, что в геном Луция Гегания не затесались какие-нибудь дикие парфы или хищные пуны? С этих провинциалов станется.

– Доколе же ты, Курион, будешь испытывать терпение наше?! – вещал оратор.

Медногремящая риторика Мацелина сводилась, однако, к одному: Гай Ацилий, последний представитель Курионов, должен был разделить участь своих родичей. Именем Сената и Народа и на благо Республики. Вопрос заключался лишь в одном: морковку удобряют бренным прахом Гая Ацилия или все же... э-э... скажем, некую бахчевую культуру? Курион, заскучав, мысленно поставил на тыквы. Крылся в этом некий судьбоносный символизм.

Но, как известно, человек предполагает, а Судьба располагает. Другое дело, что нынче Фатум изволил повернуться к подсудимому седалищем, ибо ни с чем, кроме задницы, довольную морду трибуна Клодия и не сравнишь. А именно его, помилуйте лары¹ и маны², уста Рок избрал, дабы извергнуть полновесное, сочное, прямо-таки сочащееся злорадством:

– Вето.

¹ Лары – божества, покровители семьи.

² Маны – божества загробного мира, души предков.

